

на платформе

ИЗДАТЕЛЬСКИЕ
ТЕХНОЛОГИИ

letmeprint.ru

ГИЛБЕРТ КИТ ЧЕСТЕРТОН

ЧЕЛОВЕК
С ЗОЛОТЫМ КЛЮЧОМ

Автобиография

ФТМ

УДК 821.111 + 82-94
ББК 84(4Вел=432.1)
Ч51

Перевод с английского и комментарии Н. Трауберг

Честертон Г. К.

Ч51 Человек с золотым ключом : Автобиография : [биографический роман] / Гилберт Кит Честертон ; пер. с англ. и коммент. Н. Трауберг. — М. : ООО «Агентство ФТМ, Лтд.», 2024. — 292 с. — (Серия «Литература и искусство»).

«Князь парадоксов», английский писатель, поэт, христианский деятель и философ Гилберт Кит Честертон (1874–1936) за свою жизнь написал очень много. В числе его творений – романы, очерки, детективные рассказы, многочисленные эссе, нравственно-философские трактаты, речи и стихотворения. Одним из любимых жанров Честертон был биография. Художественно тонкие, увлекательные жизнеописания он создал для Р. Браунинга, Ч. Диккенса, У. Блейка, Дж. Чосера, святых Франциска Ассизского и Фомы Аквинского и др. Не раз сталкивавшийся с упреками в субъективизме, писатель избирал героями своих биографических очерков людей духовно близких, а в предисловии к первой такой книге честно признавался: «Я написал книгу о свободе, поэзии, любви, моих мнениях о Боге и религии <...>, где время от времени встречалось слово “Браунинг” <...> Были там кое-какие факты, почти все — неверные. Но что-то в этой книге есть, скорее — моя юность, чем жизнь Браунинга». Своеобразным итогом этих опытов стала автобиография. Написанные перед самой смертью, воспоминания Честертон о семье и детстве, собратях по литературному цеху, исторических событиях и катаклизмах несут на себе отпечаток последнего и оттого предельно серьезного слова и в то же время пронизаны тонкой иронией, характерным неистощимым юмором, заставляя поверить, что жизнь и правда подобна «ряду переворотов, в которых есть ужас чуда».

**УДК 821.111 + 82-94
ББК 84(4Вел=432.1)**

© Трауберг Н. Л., наследники,
перевод на русский язык,
комментарии, 2024

© Оформление.

ООО «Агентство ФТМ, Лтд.», 2024

ISBN 978-5-4467-3681-2

Глава первая

ПО СЛУХАМ

Слепо преклоняясь перед авторитетом и преданием, суеверно принимая то, что не могу проверить ни разумом, ни опытом, я не сомневаюсь, что родился 29 мая 1874 года, в Кенсингтоне, на Кэмден-хилл, а крестили¹ меня по канонам англиканства в маленькой церкви св. Георгия, напротив которой стоит водонапорная башня. Соседства этих зданий я не подчеркиваю и гневно отрицаю, что только вся вода Западного Лондона могла сделать меня христианином.

Башне этой предстояло сыграть роль в моей жизни, о чем я еще расскажу. Те времена уже связаны с моим личным опытом, тогда как рождение, скажу снова, я принимаю на веру, словно темный крестьянин, поскольку знаю о нем от других; и, прежде чем перейти к тому, что я видел, посвящу короткую главу тому, о чем я слышал. Конечно, свидетельство отцов, точнее — свидетельство людей, можно оспорить, что и делают в бэкониианской дискуссии или библейской критике. Быть может, я родился совсем не там. Быть может, я потерянный наследник Священной Римской империи или дитя трущоб, подброшенное в Кенсингтоне, где и развились мои преступные наклонности. Нетрудно

¹ Честертон крестили 1 июля, назвали Гилбертом в честь крестного отца Томаса Гилберта. Второе имя — фамилия его бабушки по материнской линии (см.).

применить к моему появлению методы, применяемые к сотворению мира, и прийти к выводу, что я вообще не рождался. Однако мне приятнее думать, что и у меня, и у читателя есть разум, а потому он терпеливо вынесет скучный перечень сведений.

Родился я в почтенной, но честной семье, другими словами — в том мире, где слово «почтенный» еще не всегда было ругательством и сохраняло неясную связь со словом «читать». Уже в моей юности это менялось, что явствует из одного услышанного мной разговора. Мой отец, человек спокойный, веселый и умелый, сказал, что ему предложили войти в приходской совет, а мать, женщина порывистая и довольно мятежная на уровне чутья, вскрикнула: «Ой, Эдвард, не надо! Ты будешь таким почтенным! Мы же не были почтенными, стоит ли начинать?» На что отец мягко ответил: «Дорогая, ты рисуешь очень мрачную картину. Неужели мы никогда не были достойны почтения?» Те, кто читал «Гордость и предвзвешивание»¹, заметят, что в моем отце было что-то от мистера Беннета, а мать ничуть не походила на миссис Беннет.

Словом, мои родители принадлежали к довольно старомодному слою английского общества, где дельцу еще дозволялось заниматься своим делом. Им и не мерещилось просвещенное и дерзновенное мнение, согласно которому он крушит, подминает и глотает других. Отец был либералом того толка, который предшествовал социалистам. Для него само собой разумелось, что все нормальные люди признают частную собственность; однако он и не пытался придавать ей хищный оттенок. Семья его была из тех, которые обыч-

¹ «Гордость и предвзвешивание» («Гордость и предубеждение») — роман Джейн Остин (1775–1817), изданный в 1813 г.

но процветают, но в современном смысле слова не отличалась предприимчивостью. Сам он стоял во главе семейного дела, связанного с недвижимостью и основанного в том же Кенсингтоне за три поколения до него. Насколько я помню, их отличал местный патриотизм; старики не сразу согласились завести отделения в других местах. Эта безвредная гордость очень характерна для поколения деда. Помню, как однажды она привела к недоразумению, которого бы не было, если бы он не гордился втайне своим положением и даже местонахождением. Случай этот поможет понять самый дух тех лет.

Отец моего отца был красивым старцем с седой бородой. Манеры его отличались той величавостью, которая связана с провозглашением тоста. Он не изменил христианскому обычаю застольного пения и с исключительным достоинством пел «Изящный старый джентльмен» или более бравурные песни времен Трафальгара и Ватерлоо¹. Замечу мимоходом, что, дожив до шовинизма, я сохранил уважение к старым и бравым патриотическим песням. Мне кажется, английской словесности полезней строки о Веллингтоне у смертного одра Вильгельма IV:

Победу славилa вся земля²,
Но ангел смерти ждал короля, —

чем то, что лет через двадцать завывали в мюзик-холлах:

¹ *Трафальгар и Ватерлоо* — крупнейшие сражения с войсками Наполеона. Морской бой при Трафальгаре — 1805 г., битва при Ватерлоо — 1815 г.

² Король Вильгельм IV (правил с 1830 по 1837 г.) был тяжело болен в тот день, когда праздновали годовщину битвы при Ватерлоо (18 июня). Умер он на два дня позже, и королевой стала его 19-летняя племянница Виктория (ум. в 1901 г.).

Мы побеждаем всех врагов,
Солдаты ко-ро-ле-е-вы!

Я смутно подозреваю, что достоинство связано со стилем. Во всяком случае повадки и песни времен моего деда были достойными. Однако при всей приверженности к торжественной манере дед несколько удивился, когда к нему в контору пришел незнакомец и, поговорив с моим отцом, тихо спросил, удостоит ли его знакомства со старшим партнером. Потом, благоговейно приблизившись к деду, он отвесил глубокий поклон и почтительно произнес:

— Сэр, вы наша гордость. Вы — памятник!

Слегка польщенный дед учтиво проуточил, что его фирма и впрямь давно известна в Кенсингтоне.

— Вы — историческая личность, — не унимался посетитель. — Вы изменили судьбы церкви и государства.

Дед еще как-то признавал, что таким поэтическим способом можно описать хорошую фирму, но отец, разбиравшийся в церковных делах, вдруг вспомнил процесс «Уэстертон против Лиделла», на котором церковный староста обвинял vicar в самых темных злодеяниях папизма, скажем — в приверженности к стихарям.

— Надеюсь, — продолжал гость, обращаясь к столпу протестантизма, — теперь у вас в приходе все так, как вы хотите.

Дед благосклонно сообщил, что он не слишком озабочен церковными делами. Гость растерялся, и отец объяснил тонкое различие между Уэстертоном и Честертоном. Рассказывая об этом, дед непременно замечал, что к последней своей фразе прибавил: «...Если все идет по чину»; но скептики, как ни печально, считали это интерполяцией.

Однако главное в том, что дед не очень удивился, когда его называли памятником. В том далеком мире это было

типично для среднего класса, даже для мелких дельцов. С тех пор данный вид английской bourgeoisie так изменился или измельчал, что я даже не знаю, есть ли он. В Англии вроде бы нет, а в Америке и не было. Средний класс действительно был классом и находился посередине. К счастью и к несчастью, иногда преувеличивая, он отделял себя и от тех, кто ниже, и от тех, кто выше. О рабочих классах он слишком мало знал, что очень плохо отозвалось на следующем поколении. Он почти ничего не знал даже о собственных слугах. Моя семья хорошо обращалась с ними, но сословие, как таковое, не ведало ни демократического панибратства, которое отличает крикливых европейских хозяек, ни феодального дружелюбия, которое еще можно встретить у настоящей знати. Приведу пример, известный мне по слухам. Наша родственница приехала к друзьям, когда их не было. Стряпал для нее кто-то из старших слуг, скажем — кухарка. Она твердо знала, что слуги стряпают себе отдельно, а кухарка твердо знала, что они доедают оставшееся от хозяев, и посылала утром наверх пять ломтиков ветчины. Гостья, страдавшая еще одним тогдашним предрассудком, полагала, что ничего нельзя расходовать впустую, не замечая, что съеденное против воли израсходовано именно так. Она съедала все ломтики, назавтра получала семь и, немного побледнев, шла стезею долга. Ощущая, что и ей пора поесть, кухарка отправляла штук девять. Дама, собрав все силы, кидалась на них и сметала их с поля битвы. Так и шло, поскольку два сословия сохраняли учтивое молчание. Не смею представить, чем это кончилось. По логике, кухарка должна была зачехнуть, а дама — лопнуть. Наверное, разные этажи все-таки вступили в переговоры. Как бы то ни было, слабое место того мира в том, что его чувствительность не распространялась на слуг. Викторианец усмехался,

читая о вассалах, сидевших на нижнем конце стола, и не замечал, что его челядь живет почти под землей.

Но как бы мы его ни осуждали, как бы охотно ни подхватывали бессмертные слова песни будущего, звучащие, по слухам, так:

Мы про-ле-та-ри-ат обожествляем,
А вот буржуазию пре-зи-ра-ем! —

он тоже имеет право на историческую справедливость. Говоря о среднем классе той поры, можно припомнить не только его отношения с «низшими». К примеру, он овладел культурой, а потому слишком боялся «грубых влияний». Он пекся о том, чтобы правильно писать и правильно говорить, и это ему удавалось. Со свойственной детям хитростью я рано заметил, как боятся старшие, что я перейму говор слуг. Если верить преданию, года в три-четыре я хотел гулять без пальто и в пароксизме гнева привел сокрушительный довод: «А то я скажу без пальта».

Забота о чистоте речи, которую сейчас я могу и бранить, имела хорошую сторону. Мой отец знал наизусть всю английскую литературу, и я многое запомнил гораздо раньше, чем понял. Я повторял белый стих Шекспира, не догадываясь о смысле; может быть, так и надо любить стихи. По слухам, лет в шесть или семь я пылко читал на улице:

Любезный Гамлет, отжени печаль
И погляди на Данию с улыбкой.
Достойно ли, потупив очи долу,
Искать во прахе своего отца?

На этих словах, споткнувшись, я упал лицом вниз.

Еще меньше ценят то, что средний класс резко отделял себя не только от «низших», но и от «высших». Позже, как